

УДК 398 (=512.31)
DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-76-81

Б.-Х. Б. Цыбикова¹

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Несказочная проза бурят: специфика жанра*

Для характеристики специфики богатой несказочной прозы бурят, представленной мифами, устными рассказами мифологического, исторического, бытового характера, легендами, преданиями, в статье предпринята классификация материала по тематике и на основе выявления системы персонажей. Автор приходит к следующему выводу: специфическими признаками, отличающими несказочную прозу от других жанров устного народного творчества бурят, является то, что сюжеты повествований несказочного характера основаны на мифологических, древних воззрениях людей о существовавшем мироздании и миропорядке, мифических предках и генеалогии бурятских родов; на мировоззренческих установках, регламентирующих взаимоотношение человека с окружающей средой; на реальных и действительных событиях, имевших место в истории бурятского этноса; на мотивах о прославленных личностях, сыгравших позитивную, знаковую роль в истории народа, об индивидах с незаурядными способностями.

Ключевые слова: несказочная проза бурят, жанровая классификация, мифы, устные рассказы, предания, легенды.

Нет однозначного и окончательного решения проблемы жанровой классификации несказочной прозы бурят. Трудности разграничения прозаической прозы несказочного характера остро стоят и перед другими российскими исследователями этого жанра фольклора: «Проблема определения жанровых границ несказочной прозы давно стоит перед фольклористами, и решения, предложенные для нее в общем виде, не всегда применимы для конкретной фольклорной традиции» [Лиморенко, 2016, с. 12].

Несказочная проза бурят, представленная мифами, устными рассказами мифологического, исторического, бытового характера, легендами, преданиями, именуется в народе в основном одним словом – легенда / легенды (*домоґ / домоґууд*), вместе с тем весьма употребительны и другие термины: сказание-легенда, сказочная легенда (*ульгэр домоґ*); сказание-история; легендарная история; историческая легенда (*туухэ домоґ*), сказочная история; легендарная история (*ульгэр туухэ*). Исполнители и носители устного творчества не проводят четкого разграничения между мифами, легендами, преданиями, поэтому с их точки зрения между ними нет принципиальной разницы. И народная терминология обозначает несказочную прозу бурят универсальной формулировкой – истории, легенды (*туухэ домоґууд*).

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2).

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Сахьяновой, д. 6, г. Улан-Удэ, 670047, Республика Бурятия, Российская Федерация. E-mail: bch@yandex.ru; тел.: 8-(3012)-43-35-51.

Для определения жанрово-видовой разновидности несказочной прозы бурят применен способ классификации материала по тематическому признаку. Он нами использован как основной метод, использованный составителями уже изданных в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» томов по несказочной прозе алтайцев [2011, 576 с.], хакасов [2016, 540 с.]. Итак, при жанровой классификации материала (отобранного для готовящегося к изданию в вышеуказанной серии тома) мы придерживались сюжетно-тематического принципа распределения текстов, который дал возможность сгруппировать произведения по характерным содержательно-смысловым и сюжетобразующим единицам. При этом в качестве важного дифференцирующего фактора учитывалась система персонажей. В итоге несказочная проза бурят распределилась по следующим жанровым разновидностям:

- Мифы (о Солнце, Луне, звездах, явлениях природы; о происхождении Земли, растительного и животного мира; о появлении первого человека).
- Устные рассказы с мифологической основой, куда входят рассказы демонологического характера; рассказы, регламентирующие поведение человека на охоте, в домашнем быту, по отношению к сакральным объектам и т.д.
- Предания о генеалогии бурятских родов (которые подразделяются на предания мифологического и исторического характера).
- Исторические предания (о поездке бурят к Петру I в 1702 г.; о проведении российско-китайской границы в период с 1725 по 1727 г.).
- Устные рассказы исторического характера (о посещении Забайкалья цесаревичем Николаем в 1891 г.; о создании Хоринской степной думы в 1824/1825 г.).
- Устные рассказы очевидцев, участников исторических событий (об участии бурят в тыловых работах в период первой мировой войны, о событиях после октябрьского переворота 1917 г.).
- Устные рассказы локального характера об известных личностях, местных чиновниках, религиозных деятелях (о Батан Туракине, предводителе делегации бурят к Петру I (1702 г.); Савве Рагузинском, участвовавшем в проведении российско-китайской границы в должности посла России в Цинской империи (1725–1727 гг.); главе Хоринской степной думы Дамба-Дугар Иринцеве, находившемся в этой должности с 1768 по 1804 г.; первом бурятском ученом Доржо Банзарове (1822–1855 гг.); главе Баргузинской степной думы Цэдэб-Жаб Сахарове, правившем в конце 80-х гг. XIX в.; тайшах кударинских бурят (XIX в.); первом главе буддистов Восточной Сибири Дамба-Даржай Заяеве, являвшимся I пандито хамба-ламой с 1774 г. по 1776 г.).
- Исторические предания об общенациональных героях бурят (о Бабжа-баторе (Бабжа Барас-баторе); Шоно-баторе; Шэлдэй Занги; Барга-баторе; Бубэй Бэйлэ-баторе; Бальжан-хатан; Хайбай-баторе; Суухэр-ноёне (Шуухэр-ноёне); Шантан Сонголове).
- Предания о героях из народа (о силачах; мудрецах-предсказателях; борцах за справедливость; о служителях культа).
- Топонимические предания (о происхождении географических объектов).

Таким образом, сгруппированные по устойчивым признакам тексты уложились в рамках условных десяти блоков.

Первый блок составили сюжеты и мотивы о сотворении мира, происхождении луны, солнца; о природных явлениях (гром, молния), характерных созвездиях и звездах; о появлении первых людей (в том числе содержащие описание, каким человека создал бог); о тех или иных особенностях зверей, птиц, почитании отдельных представителей животного мира. К этому же блоку можно отнести рассказы с мифологической основой о так называемом культурном герое, связанных с именем Чингисхана, которому приписывается изобретение крепких напитков (*тарасуна и архи*), а также инициатива произнесения благопожеланий – якобы с тех пор, как он выразил пожелания всяческих благ, появился ритуал высказывания добрых напутствий. Он, по мнению носителей фольклора, является учредителем отдельных элементов свадебного обряда; существующая у монгольских народов традиция восхваления коня (*мориной соло*) берет начало от него. Великому монгольскому хану отводится роль праотца, от которого ведут свое начало многие бурятские племена / роды. Кроме того, появление названий отдельных локальных географических объектов Бурятии связывают с его пребыванием в той или иной местности.

Как показал имеющийся материал, здесь мы наблюдаем не попытку создать образ реальной исторической личности; напротив, подчеркиваются исключительно качества мифологического персонажа, создателя и изобретателя.

Среди мифологических рассказов особое место занимают устные повествования демонологического характера, куда мы относим сюжеты о духах (*боохолдое, заянах*), зоантропоморфных духах

низшей шаманской демонологии (*ада*), оборотнях (*ороолон*), людоедах (*харшан*) и связанных с ними суевериях и охранительных мерах для защиты. При анализе демонологических рассказов бурят была выявлена особенность локализации этих повествований. Так называемые демонологические персонажи о духах (*боохолдог*, *заянах*, *ада*) характерны преимущественно для устной традиции бурят Иркутской области. В то время как сюжеты об оборотнях, людоедах зафиксированы исключительно в записях, сделанных у восточных хори-бурят. Основную суть подобных устных рассказов составляют народные поверья о загробной жизни, суеверные представления о неупокоенных душах, нечистых силах, встреча с некими сущностями, которые причиняют беспокойства, посылают недуги своим родственникам, соплеменникам.

В группе текстов с мифологической основой самостоятельную / особую категорию составили устные рассказы, в которых отразились отдельные аспекты сакральной сферы традиционного бурятского общества (верования, религиозно-мистические представления, традиции хозяйственно-бытового характера), ярко иллюстрирующие специфику мифологического сознания членов родового общества. К ним относятся сюжеты об ограничениях, запретах, табу. К примеру, в раннее время, когда младенческая смертность была частым явлением, буряты предпринимали разные меры по ее предотвращению. Это нашло отражение и в обрядово-фольклорной традиции этноса. Существовал запрет громко звать детей / произносить их имя в сумерки, ночью, так как могли услышать злые духи. В такое пограничное время суток нельзя было отправлять детей за водой, чтобы, по суеверию древнего человека, их не похитила луна.

Существуют записи об определенных правилах, требующих неукоснительного исполнения для достижения какого-то результата или для проведения какого-то действия. Так, в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН выявлен текст, в котором описываются ритуалы, проводимые для удачной охоты. Имеется уникальная запись о том, какие проводились обрядовые действия перед тем, как исполнить эпическое повествование – улигер. Есть тексты о том, какие соблюдались ограничения в хозяйственно-бытовой деятельности (к примеру, перед выходом и во время рыбалки на нерпу; какой обряд проводился бурятами для задабривания духов, охраняющих скот, который назывался «кормить монгола» (*монголоо эдеэллэхэ*).

Кроме того, в подобных своеобразных мифологических рассказах используются мотивы о фактах наличия хозяев гор, рек и связанные с этим неписанные правила поведения. Так, нельзя ничего брать, подбирать, разрушать, находясь на территории почитаемых мест. В случае нарушения запрета человека могут настигнуть материальные и другие нежелательные потери, болезнь. Поэтому любому человеку предписывается уважительно относиться к сакральным объектам, имеющим, по суеверному представлению бурят, своих хозяев, и задабривать их различными подношениями.

Мифологические сюжеты бурят повествуют о том, что медведь когда-то был человеком, поэтому имеет большое с ним сходство. В них отмечается принадлежность медведя к человеческому роду. Указывается, как нужно поступать при встрече с медведем, какой ритуал проводят при охоте на него.

Что касается следующего блока несказочной прозы – преданий о генеалогии бурятских родов, то наряду с преданиями мифологического характера о генеалогии бурят, связывающих свое происхождение с тотемными животными / птицами / рыбами (*Буха-ноён*, *Хун-шубуун*, *гутаар*) в фольклорных материалах в достаточной степени представлены генеалогические предания о происхождении бурятских племен (об Эхирите и Булагате, Барга-батаре и его сыновьях, Хоридое, Хонгодоре), о родовых объединениях (сонголов, сартулов, тункинских, кабанских, баргузинских бурят – по современному территориальному делению, где они сейчас живут компактными группами) и их расселении, об отдельных родовых ответвлениях (*шонорог*, *шошолог*, *хурхуд*, *обогон*, *ользон*, *сэгэнээд* и других).

Обширную группу составили сюжеты о прошлой истории бурят. Историческая проза представлена преданиями о событиях общественного значения: поездка представителей делегации одиннадцати хоринских родов (хори-бурят) в Москву к русскому царю в 1702 г. и присоединение бурятских земель к Российскому государству; проведение русско-монгольской границы в 1725–1727 гг. В них много конкретных, исторически достоверных фактов. Так, граница между Россией и Китаем была установлена по Буринскому тракту в 1725–1727 гг. Проведение государственной границы явилось важным значимым событием в жизнедеятельности народа – территориальное маркирование земель означало прекращение разорительных набегов на бурятские земли монголов, маньчжуров, угона скота, взаимных претензий и посягательств.

А в результате знаменательной поездки бурят во главе с Батаном Туракиным к Петру I был издан Указ Императора России от 22 марта 1703 г., согласно которому бурятские земли вошли в состав Русского царства, и они впервые были закреплены за бурятами.

В устных рассказах бурят исторического характера нашли отражение отголоски знаменательных событий, в основе которых лежит реальный / подлинный факт. Таковы рассказы о беспрецедентном посещении бурятских земель цесаревичем Николаем Романовым в рамках кругосветного Евразийского путешествия; о создании Хоринской степной думы.

В нашем распоряжении, кроме того, имеются записанные в 50-60-е гг. XX столетия устные рассказы участников первой мировой войны – о численности бурятской молодежи, участвовавшей в ней; о тяжелых моральных и физических страданиях вдали от родины. Основные персонажи тематической группы устных повествований об известных личностях – это заметные фигуры, оставившие значительный след в этническом сознании, памяти их современников. В качестве такового в бурятском материале выступает подлинное лицо, реально жившее в определенное историческое время: Савва Рагузинский, участвовавший в проведении российско-китайской границы в должности посла России в Цинской империи (1725–1728 гг.); Батан Туракин (предводитель делегации бурят к Петру I в 1702 г.); тайша хори-бурят Дамба-Дугар Иринцев, находящийся в этой должности в 1768–1804 гг.; Заяя хамба (Дамба-Даржай Заяев, бурятский религиозный деятель, первый глава буддистов Восточной Сибири в 1764–1776 гг.); Д. Банзаров, первый бурятский ученый (1822–1855); глава Баргузинской степной думы Цэдэб-Жаб Сахаров, который состоял в этой должности в конце 80-х гг. XIX в. Всех этих людей, так же как и других персонажей данного цикла устных рассказов – местных чиновников, ноёнов, старейшин, управляющих родо-племенной группой, – отличают особенные заслуги перед народом. Создатели подобных нарративов о легендарных личностях берут за основу их плодотворную деятельность / передовые взгляды / незаурядные качества. В основе подобных сюжетов лежит прежде всего художественное начало, они имеют характер вольного изложения сведений об отдельных поступках, деяниях, особенностях характера или происхождения изображаемого лица, согласно законам фольклорного сознания: «И получалось, что песни или предания о событиях и лицах, отражали уже не историческую конкретику, а народную традицию» [Путилов, 1994, с. 54].

Используя высказывание М.И. Тулохонова, делаем вывод: «Сюжеты исторических преданий – это своего рода народные версии прошлых событий с разной степенью достоверности и соответствия жизненным реалиям» [Тулохонов, 1982, с. 4].

Защитники родной земли, справедливые и мужественные личности – предводители рода, *батыры* / богатыри – являются основными персонажами преданий об общенациональных героях бурят. Героические поступки во благо своего народа воспеваются в образах Бабжа-батара (Бабжа Барас-батара), Шоно-батара, Шэлдэй Занги, Барга-батара, Бубэй Бэйлэ-батара, Бальжан-хатан, Суухэр-ноёна (Шуухэр-ноёна), Шантана Сонголова, Хабай-батара. Эти сюжеты основаны на фактах этноисторического, этнокультурного взаимодействия бурят с другими народами, в тесном контакте с которыми жили несколько веков: монголами, русскими и другими этносами Сибири (хамниганами, тунгусами, якутами). Разграничение между этими героизированными народом персонажами, которые наделены необычайными легендарными качествами, и известными их историческими прототипами, реально действовавшими в определенную эпоху, весьма условно. Ключевым объединяющим элементом в этом цикле легенд является мотив о столкновении с чужими / враждебными силами.

Определенное место в составе несказочной прозы бурят занимают емкие устные рассказы, имеющие целиком локальный характер, о неординарных людях, наделенных от природы не только необычайной физической силой, но и харизматическими, умственными, духовно-мистическими способностями, о которых слагались легенды, передаваемые из уст в уста. Это силачи-*бухэшулы* (Шобоол-бухэ, Шээбэй-бухэ, Оотхэн-бухэ, Хоринский Мундаг-бухэ, Тогтоо Мэргэн, Гузэгэ Мэргэн, Эмэгэн-бухэ и др.); популярные в народе мудрецы-предсказатели (Молон-багша, Барнашка), борцы за справедливость, проявившие себя нестандартными деяниями шаманы и ламы. Тематическая направленность подобных произведений устной прозы бурят – прославить, оставить в народе память о людях, отличавшихся от рядовых членов социума своими сверхъестественными физическими, лидерскими, экстрасенсорными способностями, повышенным чувством неприятия несправедливости и зла.

Из этого состава текстов выделяются сюжеты, иллюстрирующие религиозные представления последователей шаманского и ламаистского культа. Основу сюжетов о шаманах составляют мотивы о появлении шаманов, различных сверхъестественных способностях шаманов и шаманок, их магическом даре. В сюжетах об умениях и возможностях буддийских священнослужителей преобладают мотивы о духовных лицах, являющихся перерожденцами-*гэгэнами*. Согласно этим фольклорным материалам, они, перевоплотившись из одного тела в другое, обладают особым даром – помнить отдельные факты, предметы из своей прошлой жизни. Кроме того, знаменитым своей ученостью ламам верующие люди также приписывают разные сверхспособности. К ним примыкают рассказы о проти-

воборстве служителей двух параллельно существующих религиозных воззрений – шаманизма и буддизма, в них шаманы и ламы в основном состязались в показе своих необычных качеств.

Отдельный цикл составляют предания о появлении того или иного названия географического объекта, имеющие ярко выраженную локальную принадлежность, в которых содержится трактовка местных топонимов в народном понимании.

Итак, специфическим признаком, отличающим несказочную прозу от других жанров устного народного творчества бурят, является то, что сюжеты повествований несказочного характера основаны:

– на мифологических, древних воззрениях людей о существовавшем мироздании и миропорядке, мифических предках и генеалогии бурятских родов;

– на мировоззренческих установках, регламентирующих взаимоотношение человека с окружающей средой, для чего каждый член общества должен был знать и придерживаться определенных правил, нарушение которых влекло за собой дисгармонию;

– на реальных и действительных событиях, имевших место в истории бурятского этноса;

– на мотивах о прославленных личностях, сыгравших позитивную, знаковую роль в истории народа; об индивидах с незаурядными способностями;

– на народной интерпретации происхождения названий местностей, гор, рек, объектов окружающего ландшафта.

Мифы, устные рассказы мифологического, исторического характера, легенды, предания являются неотъемлемой частью богатейшего фольклора бурят. Повествования несказочной прозы, истоки которых уходят в седую древность, отличаются между собой системой персонажей, функционально-семантическими, сюжетно-композиционными особенностями.

Список литературы

Лиморенко Ю.В. Издание несказочной прозы в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: методика и принципы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 11–15.

Несказочная проза алтайцев / Сост., подгот. текстов, примеч., коммент. и указатели Н.Р. Ойноткиной, И.Б. Шинжина, К.В. Ядановой, Е.Е. Ямаевой; сверка алтайских текстов К.В. Ядановой; отв. ред. тома Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

Несказочная проза хакасов / Сост., подгот. текста, примеч., коммент., указатель и словарь А.К. Ачитаевой и [др.]; редактор Ю. В. Лиморенко [и др.]; музыковед. ст. Г.Б. Сыченко; вступ. ст. В.В. Миндибековой. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34.).

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.

Тулохонов М.И. Бурятские исторические предания. Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. С. 3–17.

B.-Kh. B. Tsybikova

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation; bch@yandex.ru*

Non-fairytale prose of Buryats: the specificity of the genre

The classification of the non-fairytale prose of Buryats is based on narrative principle of text allocation that made possible to classify all texts according to distinctive semantic units. In this context the system of characters is taken into account as a significant grading factor.

The most ancient texts genetically seem to be myths and oral mythological stories because they give the first attempts to clear up natural events and social processes incomprehensible for an ancient man. The worldview of our ancestors based on archaic beliefs and the interpretation of current events were manifested in primitive word pictures. “The development of details creating a myth and the background of a tale represents a mythological worldview. It is easy to understand that this worldview is opposed in our consciousness to the scientific one. By this characteristic we recognize it easily. But for the modern man the mythological worldview and the scientific one are interpenetrated, and the one worldview passes into the other” [S.Yu. Nekljudov].

No matter how difficult it is to demarcate two big blocks of Buryat legends and stories, nevertheless, it is possible to distinguish them. In our opinion, the differential characteristics between legends and tales are following main points.

In stories the plot is based on facts of real life went down in history and human memory. They are widespread and variable. Stories have more or less established plot (such as genealogical stories, the voyage of Buryats to Peter the Great, the delimitation between Russia and China). Most of Buryat stories have an educative function. Adjacent to stories, the oral historical narratives differ by individual narration. That is why they are called ‘memoirs’ (memoirs / personalias). Stories and oral historical narratives are similar because they describe real life events and syncretize the informativity with the interpretation of a personal experience.

The specificity of legends consists in legendary context, so it is rightful to consider these texts as legendary stories. In these texts glorifying notes predominate. Narrators of such texts are filled with sense of pride in their outstanding compatriots and contemporaries, that is why these texts contain elements of hyperbole, glorification, fantastic exaggeration.

Keywords: non-fairytale prose of Buryats, genre classification, myths, oral stories, stories, legends.

References

Limorenko Ju.V. Izdanie neskazochnoi prosy v serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”: metodika i printsipy [The publication of Non-fairytale prose in the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”: methodology and principles]. *Yasyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of indigenous peoples of Siberia]*. 2016, no. 2 (31), pp. 11–15.

Nekljudov S.Yu. *Mifologicheskaya kartina mira [Mythological picture of the world]*. – <http://postnauka.ru/video/31579>. Posted on: 20 Sep. 2014.

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale prose of Altaians]. Ed. N.R. Oynotkinova, I.B. Shinzhin, K.V. Yadanova, E.E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 576 p. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 30.

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale prose of Khakasses]. Ed. L.K. Achitaeva, S.K. Kulumaeva, V.V. Mindibekova, G.B. Sychenko. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016, 540 p. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 34.

Putilov B.N. *Folklor i narodnaya kultura [Folklore and folk culture]*. Sankt-Peterburg, Nauka publ., 1994, 239 p.

Tulokhonov M.I. Buryatskie istoricheskie predaniya [Buryat historical legends]. In: *Poetika zhanrov buryatskogo folklora [Poetics of Buryat folklore genres]*. Ulan-Ude, 1982, pp. 3–17.